

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

М. Л. Нохрина

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ
ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ
С ИМУЩЕСТВЕННЫМИ

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Теория и практика гражданского
права и гражданского процесса

Марина Нохрина

**Гражданско-правовое
регулирование личных
неимущественных отношений,
не связанных с имущественными**

«Юридический центр»

2004

УДК 347.1
ББК 67.404

Нохрина М. Л.

Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными / М. Л. Нохрина — «Юридический центр», 2004 — (Теория и практика гражданского права и гражданского процесса)

[GoBack](#) В работе на базе новейшего законодательства Российской Федерации представлены теоретические и практические аспекты гражданско-правового регулирования личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными. Разрабатываются вопросы правовой охраны личных неимущественных интересов. Рассматриваются проблемы конституционно-правового и уголовно-правового опосредования указанных отношений и интересов. Опираясь на сформулированные положения, автор обосновывает ряд предложений по совершенствованию российского гражданского законодательства. Для преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов, научных и практических работников. Книга может быть использована для изучения курсов теории права, конституционного права, гражданского права, уголовного права, гражданского и арбитражного процесса.

УДК 347.1
ББК 67.404

© Нохрина М. Л., 2004
© Юридический центр, 2004

Содержание

Введение	6
Глава 1. Понятие личных неимущественных отношений	10
1.1. Состояние цивилистической науки в сфере исследования личных неимущественных отношений	10
1.2. Личные неимущественные отношения и нематериальные блага	13
1.3. Содержание личных неимущественных отношений	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

М. Л. Нохрина

**Гражданско-правовое регулирование
личных неимущественных отношений,
не связанных с имуществом**

© М. Л. Нохрина, 2004

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004

Введение

Рассмотрение вопросов правового регулирования личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными, представляется актуальным и значимым для современной отечественной гражданско-правовой науки.

В настоящее время все большую остроту приобретает проблема защиты неимущественных прав и интересов личности, которые повсеместно попираются несмотря на многочисленные заявления о правовом государстве и принятие демократической Конституции. Недостаточно провозгласить, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, — необходимо создать действенный правовой механизм для осуществления и защиты неимущественных интересов личности, предусмотренных Конституцией РФ. Именно поэтому в настоящей работе сделана попытка раскрыть сущность гражданско-правового регулирования личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными.

1 января 1995 г. за определенными исключениями была введена в действие часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации¹. В ней содержатся нормы, посвященные гражданско-правовой защите нематериальных благ (ст. 2, 150, 151, 152). Анализ указанных статей показывает, что законодатель по каким-то причинам отказался как от использования традиционного термина личных неимущественных благ, так и от гражданско-правового регулирования личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными². И сделано это несмотря на то, что, начиная с 70-х годов XX в., подавляющее большинство советских и российских цивилистов выступали за необходимость расширения гражданско-правового регулирования общественных отношений, возникающих по поводу личных неимущественных благ.

По мнению М. И. Брагинского, законодатель при определении предмета гражданско-правового регулирования в ГК РФ воспринял точку зрения, согласно которой гражданское право лишь защищает не связанные с имущественными личные неимущественные отношения, но не регулирует их³. Однако О. С. Иоффе, на точку зрения которого ссылается М. И. Брагинский, говорил об охране личных неимущественных отношений, а не о защите нематериальных благ⁴. Это не одно и то же. Поэтому можно сделать вывод о том, что у законодателя отсутствовала какая-либо твердая позиция по проблеме гражданско-правового опосредования личных неимущественных отношений. Этот факт свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования данной проблемы.

Разработке конструкции личных неимущественных прав всегда уделялось значительное внимание в юридической литературе. Этой теме посвящены работы многих советских и российских ученых. обстоятельному изучению подверглись различные виды личных неимущественных прав, их понятие, содержание, а также юридические признаки. При этом гораздо меньше внимания уделялось исследованию самих личных неимущественных отношений, рассматриваемых вне их правового регулирования. Попытки некоторых авторов выявить сущность личных неимущественных отношений и дать их понятие явно недостаточны. Учитывая современное состояние законодательства в сфере гражданско-правового регулирования этих отношений, необходимо дальнейшее исследование указанных проблем.

¹ Далее — ГК РФ; см.: Закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3302.

² Далее для обозначения личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными, будет употребляться термин «личные неимущественные отношения».

³ Научно-практический комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. 2-е изд. / Под общ. ред. В. Д. Карповича. М., 1999. С. 24.

⁴ Иоффе О. С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 12.

Как пишет Н. Д. Егоров, действительная ценность научного произведения определяется не столько количеством содержащихся в нем практических выводов, сколько обоснованностью лежащих в основе таких выводов теоретических положений. Какими бы значительными ни казались различного рода конкретные практические предложения, содержащиеся в научной работе, если они не имеют под собой надлежащего теоретического обоснования, их действительная практическая ценность сводится к нулю⁵. Подобная ситуация, по всей видимости, и сложилась в сфере исследования личных неимущественных прав и отношений. В цивилистической литературе было очень много предложений по совершенствованию гражданского законодательства в сфере личных неимущественных прав. Однако эти предложения не были реализованы в законотворческой деятельности. Именно поэтому главной целью настоящей работы является исследование теоретических вопросов гражданско-правового регулирования личных неимущественных отношений, с тем чтобы найти причину возникновения этой ситуации.

С этой целью необходимо поставить следующие конкретные задачи: исследование личных неимущественных отношений в том виде, в каком они существуют *до их правового регулирования*, включая нематериальные блага как объекты личных неимущественных отношений; исследование природы личных неимущественных интересов; выявление особенностей личных неимущественных отношений и личных неимущественных интересов, предопределяющих специфику их правовой формы.

В цивилистической литературе личные неимущественные права чаще всего определяются как права абсолютные, которым корреспондируют обязанности всех окружающих управомоченного лиц. В связи с этим еще одной целью работы является установление точного перечня абсолютных личных неимущественных прав, поскольку все предлагаемые в доктрине перечни не воспринимаются действующим законодательством.

Со вступлением в силу части первой ГК РФ в гражданском законодательстве определен круг благ, посягательство на которые влечет денежную компенсацию морального вреда. С указанного момента с новой силой встал вопрос о понятии нематериальных благ и сущности отношений, складывающихся по поводу этих благ, поскольку их нарушение теперь влечет существенные имущественные потери. Можно сказать, что появление в нашем законодательстве понятия нематериальных благ и было вызвано необходимостью установить случаи, когда компенсируется моральный вред. При причинении имущественного вреда такой вред возмещается в любом случае, независимо от того, на какие блага было совершено посягательство – материальные или нематериальные. Так, например, вред будет возмещаться и при повреждении машины (материальное благо), и при незаконном лишении свободы и, как следствие, потери заработка за время нахождения в тюрьме. Для такого возмещения достаточно закрепить в законе общий запрет причинения вреда. При компенсации морального вреда практика пошла по пути ограниченного применения такой компенсации, и уже недостаточно общего запрета на причинение морального вреда. Необходимо указать, в каких конкретно случаях указанный вред компенсируется. Именно поэтому в законе и появилось понятие нематериальных благ, при посягательстве на которые возможна компенсация морального вреда.

Следует согласиться с К. И. Голубевым и С. В. Наризжим в том, что правильное понимание специфики и всего многообразия нематериальных благ, которыми обладает и может обладать гражданин, является ключом к успешной реализации права на компенсацию морального вреда, причиненного посягательством на такие блага, и соответственно к их эффективной защите⁶. Ведь компенсация морального вреда – фактически основной способ защиты неимущественных благ. Именно это обстоятельство является главным для правильного понимания

⁵ Егоров Н. Д. Проблемы общего учения о праве собственности. Дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1978. С. 11.

⁶ Голубев К. И., Наризжий С. В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. СПб., 2000. С. 235.

основного предназначения данного института и его роли в современном отечественном законодательстве⁷. Еще в 1939 г. Д. М. Генкин писал: «Если отпадает возмещение нематериального ущерба, что могла бы дать гражданско-правовая защита личных прав?»⁸ Поэтому сегодня огромную важность приобрела проблема регулирования личных неимущественных отношений и установления круга благ, вокруг которых они складываются.

Этот вопрос никогда не имел столь большой практической значимости, как сейчас. Общеизвестно, что при определении суммы денежной компенсации, несмотря на попытки законодателя установить определенные критерии для такого определения, судом в наибольшей мере используется собственное усмотрение. При этом перечень нематериальных благ в ст. 150 ГК РФ является открытым. Таким образом, в законе закреплены широчайшие возможности для получения в судебном порядке денежных средств без достаточных оснований. Представляется, что с такой порочной практикой мириться больше нельзя.

В работе используется такое методологическое средство, как «двустадийность» пути исследования⁹. Сущность «двустадийного» («двухэтапного») пути изучения явлений состоит в том, что исследование, во-первых, отталкиваясь от всего многообразия явлений (выступающих на поверхности), должно прийти к существу и законам, управляющим развитием данных явлений. Во-вторых, оно включает в себе движение в «обратном» направлении: от вскрытой сущности к тому конкретному многообразию явлений, «но уже не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями»¹⁰.

Применительно к изучению совокупности личных неимущественных прав каждый из названных двух этапов исследования предполагает следующее содержание. На первом этапе необходимо исходить из от всего многообразия конструируемых личных исходить из от всего многообразия конструируемых личных неимущественных прав к тем реальным общественным отношениям, которые лежат в их основе. После того как раскрыто содержание личных неимущественных отношений, можно пуститься в «обратный» путь и идти от личных неимущественных отношений к опосредующим эти отношения личным неимущественным правам, но уже не как «к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности с многочисленными определениями и отношениями»¹¹. Указанный путь исследования и положен в основу работы. Рассматривается перечень конструируемых в законодательстве и литературе личных неимущественных прав, затем раскрываются общественные отношения, лежащие в их основе, и, наконец, делается вывод о механизме правового опосредования неимущественных интересов в этой сфере.

Выбор указанного пути исследования связан также с тем, что традиционно та или иная позиция относительно какой-либо группы субъективных прав излагается после рассмотрения вопроса о лежащих в их основе общественных отношениях. Именно общественные отношения предопределяют содержание и юридические признаки любых субъективных прав. Однако такой ход исследования не всегда возможен. Его применение может иметь место только в том случае, когда рассматриваемая совокупность субъективных прав четко сформулирована в законодательстве. Иная ситуация складывается в отношении личных неимущественных прав. В действующем гражданском законодательстве отсутствует их понятие, а определение тех или

⁷ Голубев К. И., Наризжий С. В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. СПб., 2000. С. 4, 83.

⁸ Генкин Д. М. Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1939. № 4. С. 38.

⁹ Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права // Учен. труды Свердловского юрид. ин-та. Т. 6. Свердловск, 1961. С. 13–14.

¹⁰ Маркс К. К критике политической экономии. М., 1951. С. 213.

¹¹ Сделанный вывод опирается на содержание двустадийного пути исследования в отношении правовых воззрений, описанное О. А. Красавчиковым (см.: Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права. С. 14–15).

иных прав в качестве личных неимущественных проводится *исключительно* в доктринальном плане. Поэтому, прежде чем определять общественные отношения, лежащие в основе личных неимущественных прав, необходимо указать, *какие же конкретно* субъективные права служат предметом рассмотрения. После того как перечень рассматриваемых личных неимущественных прав определен, можно далее идти по традиционному пути – через исследование личных неимущественных отношений к анализу характера тех прав, которые опосредуют эти отношения.

В предлагаемой работе широко используется цитатный метод. Связано это с тем, что понятие личных неимущественных отношений, личных неимущественных прав, а также охраняемых законом личных неимущественных интересов в гражданском законодательстве отсутствует. Как уже указывалось, определение тех или иных общественных отношений, прав и интересов в качестве личных неимущественных производится исключительно в доктринальном плане. Именно поэтому в работе сделана попытка собрать воедино все имеющиеся на данный момент позиции относительно рассматриваемой темы и сопутствующих вопросов.

Научная значимость предлагаемого исследования состоит в том, что оно способствует дальнейшей разработке проблемы правового регулирования личных неимущественных отношений и обеспечения личных неимущественных интересов, раскрывает сущность указанных отношений и интересов и тем самым помогает определить наиболее адекватный механизм их правового опосредования.

Глава 1. Понятие личных неимущественных отношений

1.1. Состояние цивилистической науки в сфере исследования личных неимущественных отношений

Термин «личные неимущественные отношения» появился непосредственно перед дискуссией о гражданском праве 1954–1955 гг. и утвердился в ходе этой дискуссии. Между тем ранее речь шла только о личных правах, а не о порождающих их реальных общественных отношениях¹².

В середине 50-х годов личные неимущественные отношения начинают определяться как такие общественные отношения, в которых выражается индивидуальность личности и возможная ее морально-политическая оценка со стороны социалистического общества¹³. Подобному определению близко понимание личных неимущественных отношений как таких общественных отношений, в которых выражены признание и оценка индивидуальных качеств лица со стороны общества¹⁴, или как отношений, выражающих общественную оценку личности как определенной социальной индивидуальности¹⁵.

Однако данное определение личных неимущественных отношений, на наш взгляд, не может быть принято. Индивидуальность личности проявляется *абсолютно во всех общественных отношениях*. Не только субъект личных неимущественных отношений, но и субъект любых других общественных отношений, в частности имущественных, действует как определенная индивидуальность. Как обоснованно указывал А. А. Рубанов, гражданин проявляет себя как личность и в отношениях собственности¹⁶.

По тем же причинам нельзя говорить и о том, что только личные неимущественные отношения характеризуются той или иной оценкой личности. Такая оценка присуща не только личным неимущественным, но и *любым* другим общественным отношениям, поскольку поступки человека в *любой* сфере общественных отношений оцениваются окружающими.

Традиционно определение личных неимущественных отношений только через их объекты¹⁷. Например, Н. С. Малеин считает, что к личным относятся отношения, возникающие по поводу духовных благ, лишенных экономического (имущественного) содержания¹⁸. Однако это определение представляется недостаточно полным. По поводу личных неимущественных благ могут складываться самые различные общественные отношения, из которых далеко не все следует причислять к разряду личных неимущественных. Так, по поводу такого блага, как имя ребенка, возникают общественные отношения между родителями этого ребенка и органом ЗАГС. Однако указанные общественные отношения нельзя рассматривать как личные неиму-

¹² Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. 1. Л., 1975. С. 77.

¹³ Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Ч. 1. Л., 1975. С. 77.

¹⁴ Советское гражданское право. Ч. 1. 2-е изд. / Под ред. В. Т. Смирнова, Ю. К. Толстого и А. К. Юрченко. Л., 1982. С. 6.

¹⁵ Советское гражданское право / Под ред. Я. А. Куника. М., 1973. С. 7.

¹⁶ Рубанов А. А. Правовое положение граждан в отношениях личной собственности // Гражданско-правовое положение личности в СССР. М., 1975. С. 66.

¹⁷ Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург, 1994. С. 12; Гражданское право БССР. Т. 1 / Под ред. В. Ф. Чигира. Минск, 1975. С. 6–7; Малеин Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. М., 1981. С. 19, 25; Советское гражданское право. Т. 1. 3-е изд. / Под ред. О. А. Красавчикова. М., 1985. С. 13.

¹⁸ Малеин Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. С. 19, 25.

ственные, поскольку в них не участвует сама личность – ребенок, которому принадлежит имя¹⁹.

В качестве определяющего предлагался признак отсутствия в личных неимущественных отношениях экономического содержания²⁰. Между тем отсутствием экономического содержания характеризуются не только личные, но и любые другие неимущественные отношения, например отношения, возникающие по поводу участия в выборах²¹.

Н. Д. Егоров пишет, что само название «личные неимущественные отношения» указывает на два их отличительных признака: неимущественное содержание и личный характер. Следовательно, оба эти признака должны найти адекватное отражение в определении понятия личного неимущественного отношения. В соответствии с этим Н. Д. Егоров определяет личные неимущественные отношения как возникающие по поводу неимущественных благ отношения, в которых осуществляется индивидуализация личности посредством выявления и оценки ее социальных качеств²². Однако и эта позиция уязвима. Как справедливо указывает Л. О. Красавчикова, возникновение и существование тех или иных правоотношений по поводу нематериальных благ не может и не должно зависеть от ее (личности) социальных качеств²³.

Имеет место попытка определять личные неимущественные отношения как «выражающие интересы морального характера, – индивидуализация субъекта в обществе, его индивидуальность, оценка его личности, данные о личной жизни»²⁴. Однако определение личных неимущественных отношений через прямое перечисление интересов морального характера, опосредуемых этими отношениями, представляется недостаточно полным. Остается неясным, почему только *перечисленные* интересы морального характера опосредуются личными неимущественными отношениями. Кроме того, в связи с многозначностью понятия морали оно само нуждается в пояснении применительно к рассматриваемому случаю.

По мнению Т. В. Дробышевой, личные неимущественные отношения – это общественные отношения, возникающие по поводу неимущественных благ и обеспечивающие физическое благополучие и индивидуализацию личности, ее всестороннее совершенствование, развитие, автономию в обществе и адекватность восприятия личности обществом²⁵. Однако и в данном случае *перечисляются* некие цели, ради достижения которых лицо вступает в личные неимущественные отношения, и не поясняется, почему достижение именно этих целей опосредуется личными неимущественными отношениями и что эти цели связывает.

Все приведенные точки зрения имеют одинаковый недостаток: исследование личных неимущественных отношений сводится к поиску признака, позволяющего отграничить их от имущественных отношений. При этом не рассматривается вопрос о *содержании личных неимущественных отношений, которое выражается в поведении их участников*. Между тем без такого рассмотрения невозможно сделать правильный вывод об общих признаках, присущих всем личным неимущественным отношениям.

Указанного недостатка в определенной мере удалось избежать О. В. Иванову. По его мнению, личные неимущественные отношения – это отношения, в рамках которых происходит

¹⁹ Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988. С. 116–117.

²⁰ Поссе Е. А., Фаддеева Т. А. Проблемы семейного права. Л., 1976. С. 20.

²¹ Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. С. 116.

²² Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. С. 115–117.

²³ Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве РФ. С. 32.

²⁴ Советское гражданское право / Под ред. О. Н. Садикова. М., 1983. С. 6.

²⁵ Дробышевская Т. В. Личные неимущественные права граждан и их гражданско-правовая защита. Красноярск, 2001. С. 19.

пользование личными неимущественными благами²⁶. Однако пользование некоторыми нематериальными благами, о которых говорит О. В. Иванов, например честью и достоинством, происходит абсолютно во всех общественных отношениях, а не только в личных неимущественных. Не существует каких-либо особых общественных отношений чести и достоинства, в которые люди вступали бы с единственной целью использовать сложившееся о них мнение. Честь, достоинство и деловая репутация формируются и проявляются в рамках любых общественных отношений, участником которых становится то или иное лицо.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время в цивилистической науке вопрос о содержании личных неимущественных отношений надлежащим образом не решен. Решению этого вопроса может способствовать анализ нематериальных благ как объектов личных неимущественных отношений.

²⁶ *Иванов О. В.* Проблемы правовой охраны личных неимущественных благ граждан в социалистическом обществе // Актуальные проблемы социалистического государственного управления. Иркутск; Варшава, 1973. С. 55. – Указанное определение в известной мере аналогично определениям отношений собственности, согласно которым последние обозначаются как отношения по владению, пользованию и распоряжению материальными благами. По всей видимости, О. В. Иванов обоснованно полагает, что правомочия владения и распоряжения в силу природы нематериальных благ в данном случае неприменимы.

1.2. Личные неимущественные отношения и нематериальные блага

Все существующие в обществе отношения можно разделить на две группы. В одних общественных отношениях субъекты не оказывают воздействия на какие-либо внешние для них материальные или нематериальные объекты²⁷. В такие отношения субъекты вступают ради удовлетворения интересов, не связанных с таким воздействием. Например, это отношения, которые опосредуют передвижение человека, родственные, супружеские и родительские отношения²⁸, а также многие другие общественные отношения, которые традиционно называются *неимущественными*²⁹. На возможность существования таких отношений обращал внимание О. С. Иоффе, отмечая, что в ряде общественных отношений объекта, понимаемого в качестве внешнего для субъектов предмета, вообще может и не быть³⁰. Это обстоятельство признавали многие правоведы, в частности: С. Ф. Кечекьян, Ю. К. Толстой, С. С. Алексеев, а также другие авторы³¹. Именно оно дало основание М. М. Агаркову, С. Н. Братусю, Г. Н. Полянской, В. С. Толстому, а также Р. О. Халфиной³² говорить о том, что возможно существование *без-объектных* правоотношений.

В других общественных отношениях стороны не только взаимодействуют между собой, но хотя бы одна из них обязательно оказывает активное воздействие на те или иные материальные или нематериальные предметы, выступающие в качестве объектов этих общественных отношений³³. В качестве примера можно привести отношения собственности, отношения по выполнению работ, отношения по использованию того или иного произведения и т. п.

К аналогичным выводам пришел, в частности, Н. Г. Александров. По его мнению, внешний объект поведения людей существует лишь в имущественных отношениях; в неимущественных правоотношениях его вообще нет³⁴.

При этом, исходя из общефилософского понимания объекта, в литературе особо подчеркивается его *внешний* характер по отношению к субъекту³⁵. Так, В. А. Тархов применительно к субъективным правам пишет, что вообще не может быть субъективных прав на объекты, неот-

²⁷ Здесь и в дальнейшем используется философское понимание нематериальных объектов как объектов идеальных по сравнению с материальными объектами.

²⁸ Иоффе О. С. Советское гражданское право. С. 219.

²⁹ См., напр.: Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 117–118; Тархов В. А. Гражданское право. Чебоксары, 1997. С. 41.

³⁰ Иоффе О. С. Об основных вопросах советского гражданского права // Вопросы советского права. Учен. зап. ЛГУ. Серия: «Юридические науки». Вып. 4. 1953. № 151. С. 50.

³¹ Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 147; Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 65; Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 329–340; Гражданское право. Т. 1 / Под ред. М. М. Агаркова и Д. М. Генкина. М., 1944. С. 71–72.

³² Теория государства и права. Макет. 1948. С. 174; см.: Советское государство и право. 1950. № 9. С. 86 (выступления С. Н. Братуся и Г. Н. Полянской); Толстой В. С. Реализация правоотношения и концепция объекта // Советское государство и право. 1974. № 1. С. 125; Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 212–217.

³³ Далее указанные блага будут *условно* обозначаться как объекты тех или иных общественных отношений. Такая условность вызвана дискуссионностью понятия «объект» применительно к общественному отношению, правоотношению, субъективному праву и обязанности. Для целей настоящей работы автору важно показать лишь то, что одни общественные отношения связаны с теми или иными внешними предметами материального и нематериального мира, а другие – нет. Вопрос же о роли указанных предметов в общественном отношении выходит за рамки работы. О том, что объектами общественных отношений являются именно материальные и нематериальные предметы, писал, в частности, О. С. Иоффе (см.: Иоффе О. С. Советское гражданское право. С. 217).

³⁴ Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. С. 117–118.

³⁵ Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 131; Алексеев С. С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 285.

делимые от личности, от субъекта. Представление о таких правах противоречило бы философскому и юридическому пониманию объектов³⁶.

Связано это с тем, что то или иное поведение субъекта может быть направлено лишь на внешние для него предметы, в отношении которых он может совершать какие-либо действия в целях удовлетворения своих интересов. Те явления, в отношении которых не могут совершаться действия в целях удовлетворения интересов, не могут выступать в качестве объектов общественных отношений³⁷.

Какие же предметы материального и нематериального мира могут выступать в качестве объектов общественных отношений? В философии выделяются, в частности, следующие основные формы бытия: бытие вещей (тел), а также бытие духовного (идеального), которое делится на индивидуализированное духовное и обьективированное (внеиндивидуальное) духовное³⁸.

Индивидуализированное духовное характеризуется тем, что оно неотделимо от конкретной жизнедеятельности индивидов и выступает, в частности, в форме сознания. Такое духовное не может быть объектом общественного отношения, поскольку оно не проявляется вовне. Индивидуализированное духовное не имеет значения и для права, поскольку, как указывал К. Маркс, «помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»³⁹. Таким образом, те или иные мыслительные процессы, происходящие в сознании человека и относящиеся к его внутреннему миру, не являются объектами общественных отношений и не имеют правового значения.

В отличие от индивидуализированного духовного, внеиндивидуальное духовное существует вне индивида или, говоря иначе, обьективируется. Оно возникает в результате отделения от конкретного человека результатов деятельности его сознания и духовной деятельности вообще при помощи продуктов культуры (языка и других знаковых систем)⁴⁰. Такое духовное может выступать объектом общественного отношения и соответственно иметь правовое значение, поскольку оно воплощается в материальной форме, отделимой от человеческой личности⁴¹. В качестве примера обьективированного духовного можно привести, в частности, различного рода произведения, изобретения, другие результаты интеллектуальной деятельности.

Таким образом, в качестве объектов тех или иных общественных отношений могут выступать либо вещи (блага в материальной форме), либо явления обьективированного духовного, которые по своей природе являются благами в нематериальной форме. Подтверждение данному выводу можно найти у Н. Г. Александрова. Он предлагал различать объект правового воздействия и внешние объекты поведения людей. К последним автор относит вещи и обьективированные продукты интеллектуального творчества⁴². Объекты личных неимущественных отношений рассматривались в многочисленных цивилистических исследованиях задолго до появления в нашем законодательстве примерного перечня нематериальных благ, который

³⁶ Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 384.

³⁷ Некоторые авторы впадают в противоречие, с одной стороны, признавая объектами отношений внешние субъекту предметы, а с другой – приводят примеры объектов, которые не могут считаться таковыми. Так, С. С. Алексеев, рассматривая правоотношения пассивного и активного типа, указывает, что особенностью правоотношений пассивного типа является то, что материальные и нематериальные блага здесь всегда отделимы, обособлены от материального содержания правоотношения, от действий управомоченного. Они всегда представляют собой внешне ограниченные, в данный момент существующие явления (предметы) окружающего нас мира. При этом С. С. Алексеев называет благами как объектами правоотношений свободу слова, свободу собраний, тайну переписки и честь (см.: Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций. Т. 1. С. 329, 334–338).

³⁸ Введение в философию. Ч. 2 / Под общ. ред. И. Т. Фролова. М., 1990. С. 29.

³⁹ Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 14.

⁴⁰ Введение в философию. Ч. 2 / Под общ. ред. И. Т. Фролова. С. 44.

⁴¹ Введение в философию. Ч. 2 / Под общ. ред. И. Т. Фролова. С. 45–46.

⁴² Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. С. 117–118. – К аналогичным выводам пришла и Р. О. Халфина (см.: Халфина Р. О. Указ. соч. С. 212–216).

содержится в ст. 2 и 150 ГК РФ. В литературе использовались различные термины для обозначения этих благ. Они назывались личными⁴³, личными неимущественными⁴⁴, личными нематериальными⁴⁵ и, наконец, просто нематериальными⁴⁶.

Впервые в советской литературе категория «личных благ» появилась в трудах М. М. Агаркова. В качестве личных благ он назвал жизнь, телесную неприкосновенность, здоровье, честь, достоинство, имя, авторство и определил их как блага, не делимые от личности⁴⁷.

В дальнейшем в научной литературе предлагались различные перечни нематериальных благ, которые пополнялись в зависимости от времени написания работ. Так, в качестве нематериальных благ назывались: право на изображение, тайна переписки⁴⁸, имя, безопасность, неприкосновенность, свобода слова⁴⁹, неприкосновенность жилища, переписки, иных сфер личной жизни⁵⁰, личная неприкосновенность, сфера личной жизни⁵¹, состояние здоровья, многообразные проявления присущей каждой личности индивидуальности, свобода выбора в установленных законом рамках по собственному усмотрению модели поведения, право на жизнь и здоровье, на имя, честь и достоинство, телесную неприкосновенность и неприкосновенность личной сферы граждан, право на свободное передвижение и свободное избрание места жительства, право на избрание рода социально полезной деятельности, неприкосновенность личной документации⁵², трудоспособность⁵³, личная предприимчивость, изобретательность и энергия⁵⁴, телесная (физическая) целостность⁵⁵, национальная принадлежность, родной язык и выбор языка общения, вероисповедание⁵⁶, свобода личности, хорошая репутация, портрет и звукозапись, личная тайна, обработанные с помощью ЭВМ данные, относящиеся к личности, фамилия (псевдоним) и внешность, гражданская честь, высказывания и бумаги личного характера, видовые снимки и звуковые записи, касающиеся гражданина или его высказываний личного характера⁵⁷, благоприятное экологическое состояние личности⁵⁸ и др.

В дальнейшем в зависимости от приводимых перечней нематериальных благ предпринимались попытки дать их научное определение. Так, З. П. Ромовская охарактеризовала личные неимущественные блага как блага, лишенные экономической ценности, экономического содержания⁵⁹. С ней согласна Л. О. Красавчикова, по мнению которой, «духовные (нематериальные) блага имеют внеэкономическую природу и обладают функциональным свойством нетоварности (не становятся товаром ни при каких условиях нормального существования и

⁴³ Гражданское право. Ч. 1 / Отв. ред. Я. Ф. Миколенко, П. Е. Орловский. М., 1938. С. 136.

⁴⁴ Иванов О. В. Указ. соч. С. 54.

⁴⁵ Страховое дело / Под ред. Л. И. Рейтмана. М., 1992. С. 47.

⁴⁶ Брагинский М. И., Суханов Е. А., Ярошенко К. Б. Объекты гражданских прав // Хозяйство и право. 1995. № 5. С. 18. – Далее мы будем называть эти блага нематериальными.

⁴⁷ Гражданское право. Ч. 1 / Отв. ред. Я. Ф. Миколенко, П. Е. Орловский. С. 136.

⁴⁸ Иоффе О. С. Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства граждан // Советское государство и право. 1962. № 7. С. 62.

⁴⁹ Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 246.

⁵⁰ Иванов О. В. Указ. соч. С. 54.

⁵¹ Малешин Н. С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985. С. 12.

⁵² Ярошенко К. Б. Жизнь и здоровье под охраной закона. Гражданско-правовая защита личных неимущественных прав граждан. М., 1990. С. 3–4, 11.

⁵³ Страховое дело. С. 47.

⁵⁴ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 236.

⁵⁵ Ермолова О. Н. Нематериальные блага и их защита: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 14.

⁵⁶ Гражданское право. Т. 1. 2-е изд. / Отв. ред. Е. А. Суханов. М., 1998. С. 724.

⁵⁷ ГК ВНР, ГК ПНР, ГК ЧССР; Цит. по: Ярошенко К. Б. Указ. соч. С. 14–16.

⁵⁸ Малешин М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2000. С. 98.

⁵⁹ Ромовская З. П. Личные неимущественные права граждан СССР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1968. С. 8.

развития человеческого общества)»⁶⁰. Высказывалась также точка зрения, что личные блага – это такие блага, которые индивидуализируют личность⁶¹. Помимо неэкономического и неимущественного характера, а также неотделимости от личности, указывается на переменность содержания одного и того же блага (изменяется здоровье, окружающая среда, индивидуальный облик и многие другие блага)⁶².

Новый ГК РФ не внес определенности в вопрос о характере нематериальных благ. Законодатель воспринял два выдвинутых в науке критерия: неотчуждаемость и непередаваемость рассматриваемых благ, а также их нематериальный характер. При этом, как справедливо указывает М. Н. Малеина, законодатель не разъяснил, что следует понимать под «нематериальностью»: невозможность вещественного воплощения блага, отсутствие имущественного эквивалента или невозможность оценить благо в деньгах⁶³.

Как видно, законодатель отверг такие предлагаемые в литературе признаки, как *индивидуализация* личности и переменность содержания нематериальных благ. Сделано это по вполне понятным основаниям. Из всех перечисленных в ГК РФ нематериальных благ личность в той или иной мере индивидуализируют лишь имя, честь, достоинство и деловая репутация. Что касается других перечисленных в законе и научных трудах нематериальных благ, то они ни в коей мере не выражают индивидуальность личности. Так, жизнь как таковая принадлежит каждому человеку и не позволяет отличить одного человека от другого. Переменность же содержания нематериальных благ, по всей видимости, не имеет правового значения при их охране и защите.

ГК РФ содержит следующий перечень нематериальных благ: неотчуждаемые права и свободы человека (ст. 2), жизнь, здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона (ст. 150).

Прежде всего вызывает возражение включение в родовое понятие «нематериальное благо» неотчуждаемых прав и свобод человека, а также тех или иных личных неимущественных прав⁶⁴. В отличие от имущественных прав, которые могут выступать объектами обязательственных отношений, сделки по уступке личных неимущественных прав невозможны. Тем более невозможны сделки по уступке «*неотчуждаемых* прав и свобод человека». Как пра-

⁶⁰ Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве РФ. С. 12. – Начиная с 70-х годов, при определении личных благ стало традиционным акцентировать внимание на двух указанных моментах – отсутствии экономического содержания и неотделимости от личности (Гражданское право БССР. Т. 1 / Под ред. В. Ф. Чигира. С. 123; Советское гражданское право. Т. 1 / Под ред. В. П. Грибанова и С. М. Корнеева. М., 1979. С. 191; Советское гражданское право. Ч. 1. 3-е изд. / Отв. ред. В. А. Рясенцев. М., 1986. С. 180).

⁶¹ Советское гражданское право. Т. 1 / Отв. ред. И. Б. Новицкий и П. Е. Орловский. М., 1959. С. 13–14 (автор – В. П. Грибанов). – Позднее об этом писали Н. С. Малеин (см.: Малеин Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. С. 19, 25); А. П. Вилейта (см.: Вилейта А. П. Личные неимущественные правоотношения по советскому гражданскому праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Вильнюс, 1967. С. 5–6), а также Г. П. Савичев и Е. А. Суханов (см.: Гражданское право. Т. 1 / Отв. ред. Е. А. Суханов. М., 1993. С. 123).

⁶² Голубев К. И., Нарисский С. В. Указ. соч. С. 43.

⁶³ Малеина М. Н. Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. 1995. № 10. С. 102. – Такое разграничение представляется актуальным, поскольку неимущественные блага могут быть как материальными (т. е. имеющими вещественное содержание, например, здоровье как целостность организма человека и окружающая среда), так и нематериальными (например, имя) (см.: Голубев К. И., Нарисский С. В. Указ. соч. С. 39).

⁶⁴ Под влиянием такой формулировки ГК РФ Т. А. Фаддеева была вынуждена ввести понятия «нематериальные блага первого уровня» и «нематериальные блага второго уровня». По ее мнению, блага первого уровня неразрывно связаны с самим существованием личности. Они объективно существуют независимо от их правовой регламентации и только в случаях посягательств на эти блага нуждаются в правовой защите. Блага второго уровня (право на имя, право авторства и иные личные неимущественные права) являются субъективными правами, образующими содержание конкретного правоотношения и тем самым уже урегулированными нормами права. В случае же нарушения этих прав они пользуются правовой защитой (Гражданское право. Ч. 1 / Под ред. Ю. К. Толстого и А. П. Сергеева. СПб., 1996. С. 271–272).

вильно указывает М. Н. Малеина, такое широкое понятие нематериального блага, которое охватывает и блага как таковые, и права на них, не должно иметь места в законе⁶⁵.

В принципе, есть момент, который свидетельствует об определенном смысле указанной конструкции. В ст. 150 ГК РФ предусмотрено, что нематериальные блага граждане приобретают либо в силу рождения, либо в силу закона. «Жизнь, здоровье, достоинство личности, честь и доброе имя – это те блага, которые гражданин приобретает при рождении. А вот “правами” на неприкосновенность частной жизни, свободу передвижения и выбора места жительства и др. гражданин обладает в силу закона»⁶⁶. Таким образом, для указания на то, что приобретается в силу рождения, а что – в силу закона, и использована такая конструкция. Однако и она не была выдержана законодателем. Достаточно сравнить две статьи ГК РФ: ст. 150 говорит о праве на имя, а ст. 19 – просто об имени⁶⁷.

Таким образом, не могут быть признаны объектами общественных отношений такие блага, как право на изображение, право на жизнь и здоровье, на имя, честь и достоинство, телесную неприкосновенность и неприкосновенность личной сферы граждан, право на свободное передвижение и свободное избрание места жительства, неприкосновенность личной документации, неотчуждаемые права и свободы человека.

Не могут выступать в качестве объектов общественных отношений жизнь и здоровье человека, его внешность, трудоспособность, национальная принадлежность и национальный язык, вероисповедание, поскольку их невозможно отделить от субъекта этих отношений⁶⁸. Нельзя признать объектами общественных отношений и такие блага, как телесная неприкосновенность, тайна переписки, авторство, безопасность, неприкосновенность жилища, переписки, иных сфер личной жизни, личная неприкосновенность, свобода совести, свобода слова, свобода выбора в установленных законом рамках модели поведения, телесная (физическая) целостность, свобода личности, личная тайна, благоприятное экологическое состояние личности и др. *Указанные явления не выступают в овеществленной форме или форме объективированного духовного. В отношении этих благ субъекты не могут совершать какие-либо действия.* Так, нельзя понимать под объектом общественного отношения ту или иную неприкосновенность, безопасность, телесную целостность, благоприятное экологическое состояние, те или иные свободы, тайны, которые как явления существуют только в результате надлежащей реализации установленных государством правовых норм. Любые блага должны существовать объективно, а не быть привнесенными в общество в результате правового воздействия.

Жизнь – это необходимая предпосылка для вступления лица в любые отношения, но не объект, по поводу которого возникают какие-то особые общественные отношения. Человек может лишиться себя жизни тем или иным способом. Однако в данном случае объектом его действий в рамках соответствующих общественных отношений будет не сама жизнь, а нож, пистолет, веревка и другие подобные объекты, воздействуя на которые человек лишает себя жизни.

⁶⁵ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997. С. 9.

⁶⁶ Комментарий Гражданского кодекса РФ для предпринимателей. М., 1995. С. 188. – М. Н. Малеина полагает, что ст. 150 ГК РФ таким образом проводит классификацию нематериальных благ в зависимости от оснований их возникновения (с рождения или в силу закона) (см.: Малеина М. Н. Нематериальные блага и перспективы их развития. С. 102).

⁶⁷ О праве на имя, а не об имени, говорит и Верховный Суд РФ. В абз. 1 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда» следующим образом разграничиваются нематериальные блага и личные неимущественные права. К первым относятся жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п. Ко вторым относятся право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с Законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности (см.: Российская газета. 1995. 8 февр.). Иными словами, имя – не благо, а связано с правом.

⁶⁸ О неотделимости жизни человека от самого человека говорит, в частности, В. Л. Суховерхий (см.: Суховерхий В. Л. О развитии гражданско-правовой охраны личных неимущественных прав и интересов граждан // Правоведение. 1972. № 3. С. 30).

Жизнь (а точнее, ее прекращение) в данном случае выступает не объектом активных действий человека, а их целью. Личная предприимчивость, изобретательность и энергия как индивидуальные качества человека также выступают предпосылкой любых общественных отношений, а не их объектом.

Здоровье, как и жизнь, неотделимо от самого человека, и в силу этого он в принципе не может совершать в отношении своего здоровья какие-либо активные действия. Могут совершаться лишь действия, способствующие в конечном счете улучшению или ухудшению здоровья. Однако такие действия направлены не на само здоровье человека, а на различного рода блага, с помощью которых улучшается или ухудшается здоровье. Например, лицо может приобрести пищу и заказать медицинские услуги, чтобы поддержать свое здоровье. В данном случае указанные действия направлены на продукты питания, заказ медицинских услуг и существуют в рамках обязательств купли-продажи, возмездного оказания услуг и т. п.

Внешность, а точнее, ее изменение, также выступает целью, а не объектом соответствующих общественных отношений. Человек в данном случае совершает активные действия лишь в отношении средств ухода за внешностью.

Такое «благо», как трудоспособность, также не может быть объектом общественных отношений, поскольку лицо в трудовых отношениях воздействует на средства производства, а не на свою трудоспособность.

Невозможно представить себе активные действия, которые человек мог бы совершить в отношении своей национальной принадлежности, национального языка, а также вероисповедания. Можно изменить указанные качества человека, однако в случае отсутствия государственной регистрации таких изменений соответствующих общественных отношений не будет вообще. В случае же внесения изменений в паспорт относительно национальной принадлежности общественные отношения складываются в связи с действиями человека и соответствующего государственного органа по внесению изменений в паспорт, а не действий лица в отношении своей национальной принадлежности.

Авторство также не может выступать в качестве объекта общественных отношений, поскольку оно не может быть передано другим лицам. В авторских отношениях объектом выступает то или иное произведение, а не факт авторства.

По тем же причинам нельзя относить к числу объектов общественных отношений ту или иную сферу общественных отношений, например сферу личной жизни, а также многообразные проявления присущей каждой личности индивидуальности.

Можно говорить как о нематериальных явлениях о чести, достоинстве и деловой репутации, поскольку они представляют собой определенную оценку того или иного лица в сознании окружающих или этого лица. Однако указанные явления относятся к индивидуализированному духовному, которое не находит воплощения в какой-либо объективированной форме и поэтому не может выступать объектом общественных отношений⁶⁹. Кроме того, закон не определяет каких-либо обязанностей в отношении названных благ. ГК РФ запрещает распространение не соответствующих действительности порочащих сведений о том или ином лице. Эти сведения как определенная информация объективируются лишь в процессе нарушения указанной обязанности и не являются объектом отношения, существовавшего до правонарушения.

⁶⁹ Согласно п. 2 ст. 1027 ГК РФ по договору коммерческой концессии может быть передана деловая репутация правообладателя. Однако, несмотря на такую редакцию указанного пункта, нельзя говорить о том, что объектом соответствующего отношения является деловая репутация. При коммерческой концессии переходит право на фирменное наименование, в результате чего, как правильно указывает А. А. Иванов, происходит распространение на пользователя сложившегося на рынке мнения о правообладателе и получается соответствующая экономическая выгода. Сама же деловая репутация неотторжима от того лица, которое она характеризует (см.: Гражданское право. Ч. 2. 4-е изд. / Под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. М., 2003. С. 736)

Таким образом, в правовой литературе имеет место тенденция употреблять понятие «блага» не в качестве внешнего субъектам общественного отношения материального или нематериального предмета, что позволяет четко разграничивать соответствующие правоотношения, а в широком смысле – как всего того, что удовлетворяет определенные потребности человека⁷⁰. Так, Н. И. Матузов пишет: «Блага подразделяются на материальные, духовные, этические, политические, культурные и т. д. Исчерпывающего деления дать нельзя в силу громадного разнообразия различных благ и ценностей по их назначению, роли, доступности и т. д. В роли блага могут выступать вещи, предметы, явления, действия, свобода, культура, идеи, социальные институты, продукты духовного творчества, равенство, здоровье, жизнь, честь, достоинство, неприкосновенность, труд, отдых, образование, творческая деятельность, участие в делах общества, в управлении государством, возможность избирать, быть избранным, участвовать в общественно-политической жизни страны, заниматься творческой деятельностью, развивать свои способности и таланты»⁷¹.

Однако, несмотря на четко сформулированный критерий выделения понятия «блага» (определенной *ценности*), в таком широком смысле оно не может быть употреблено в юридической науке. Если довести ситуацию до абсурда, то в качестве благ могут быть названы столь разнообразные объекты, что проблема определения и разграничения правовых явлений будет снята вообще. Так, в правоотношениях собственности благом можно будет назвать и саму вещь, и ее неприкосновенность, и свободу действий собственника в отношении вещи, и все другие возможные явления, так или иначе характеризующие отношения собственности. Вряд ли такой подход будет способствовать более четкому уяснению сущности складывающихся по поводу той или иной вещи отношений. Поэтому с юридической точки зрения более правильно говорить о том, что в качестве блага как объекта соответствующего общественного отношения могут выступать лишь внешние для субъектов общественного отношения предметы материального и нематериального мира.

Таким образом, из всех перечисленных явлений к объектам общественных отношений можно отнести лишь имя, а также псевдоним⁷², поскольку другие «нематериальные блага» не выступают в овеществленной форме или в форме объективированного духовного. К аналогичному выводу пришли Я. М. Магазинер и С. Ф. Кечекьян. Рассматривая проблему правоотношения, они отрицали за нематериальными благами значение самостоятельного объекта права. Как писал Я. М. Магазинер, объекты правоотношения – явления внешнего мира, которые экономически характеризуются как блага. Нельзя считать объектом права нематериальные блага: это содержание правоотношения между человеком, требующим не умалять его нематериальные блага, и человеком, обязанным не умалять их⁷³.

По мнению С. Ф. Кечекьяна, содержание нематериальных благ может быть раскрыто через действия управомоченного и обязанных лиц⁷⁴. Автор справедливо обратил внимание на тот факт, что нематериальные блага, не являясь внешними для субъектов объектами (вещами, продуктами духовного творчества), могут раскрываться *лишь через те или иные действия субъектов отношения*.

⁷⁰ С позиций философии и этики благо – это то, что включает в себе определенный положительный смысл (см.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 55).

⁷¹ Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. С. 119–121, 239.

⁷² Имя и псевдоним создаются сознанием человека (лицом, которому предоставлено право выбора имени ребенку, и автором), объективируются путем регистрации в актах гражданского состояния и путем обозначения произведения тем или иным псевдонимом. Тем самым они относятся к объективированному духовному, которое может выступать объектом общественного отношения.

⁷³ Магазинер Я. М. Общая теория права на основе советского законодательства // Правоведение. 2000. № 1. С. 267–268.

⁷⁴ Кечекьян С. Ф. Указ. соч. С. 150.

Вышеизложенное позволяет сделать предварительный вывод. *Либо личные неимущественные отношения ограничиваются отношениями по поводу таких благ, как имя и псевдоним, поскольку личных неимущественных отношений по поводу других «нематериальных благ» существовать не может, либо существуют такие личные неимущественные отношения, в которых вообще отсутствует объект как внешнее по отношению к субъектам нематериальное благо.*

Для подтверждения этого вывода необходимо рассмотреть содержание личных неимущественных отношений.

1.3. Содержание личных неимущественных отношений

В любом общественном отношении так или иначе присутствует человеческая деятельность. Роль последней в общественном отношении может пониматься по-разному, но она *никогда и никогда не исключалась из понятия общественного отношения*⁷⁵. Наличие человеческой деятельности является основным критерием, отличающим общественные отношения от других связей в обществе. В ряде общественных отношений на определенной стадии их существования активного поведения может и не быть. Как обоснованно отмечает В. Л. Слесарев, общественное отношение как форма взаимосвязи субъектов имеет своим содержанием возможность деятельности либо реализацию данной возможности – саму деятельность⁷⁶. Например, такая ситуация имеет место в обязательственных отношениях при отсрочке исполнения, когда ни управомоченное, ни обязанное лицо каких-либо действий не совершают. Однако не бывает таких общественных отношений, в которых *вообще не существует и не может существовать какого-либо активного поведения их участников*.

Пассивное поведение само по себе не может составлять содержание общественного отношения, поскольку при бездействии лицо вообще не вступает в какие-либо связи с окружающими.

Сделанный вывод ни в коей мере не противоречит юридической ситуации обязательства с отрицательным содержанием (например, по воздержанию от конкуренции), где бездействие, несомненно, выступает как акт поведения. Дело в том, что в силу заключения договора, порождающего обязательство с отрицательным содержанием, не возникает какого-то особого общественного отношения, в котором имеет место бездействие. В данном случае это обязательство лишь налагает дополнительные (по сравнению с законом) ограничения на определенные действия, которые опосредуются соответствующим общественным отношением, существующим до заключения договора. Например, при правовом регулировании отношений собственности, где лицо совершает активные действия в отношении вещи, право собственности ограничено запретами, установленными законом. Кроме установленных в законе запретов собственник может наложить на себя дополнительные ограничения путем вступления в обязательство, налагающее на него обязанности не совершать каких-либо действий в отношении своей вещи. При этом каких-то особых общественных отношений, в которых имеет место бездействие, не возникает. Просто налагаются дополнительные ограничения в рамках уже существующих отношений собственности. Да, действительно, бездействие можно считать актом поведения, когда лицо сознательно не совершает каких-либо действий, хотя имеет возможность их совершить. Однако в этой ситуации акт поведения в виде бездействия остается лишь в сознании человека и не может восприниматься окружающими. Именно поэтому бездействующие по отношению друг к другу лица не вступают в какие-то особые общественные отношения, связанные с этим бездействием.

При этом содержание общественного отношения не может заключаться только в таком активном поведении, когда управомоченное лицо дает другому лицу разрешение на совершение определенных действий, например разрешение на использование своего изображения.

⁷⁵ Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношения. М., 1980. С. 80; Гревцов Ю. И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981. С. 11; Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М., 1968. С. 91; Протасов В. Н. Место и роль субъективного права в правовом отношении с точки зрения системного подхода // Философские проблемы субъективного права. Ярославль, 1990. С. 15; Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 215–216; Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. С. 73; Слесарев В. Л. Объект и результат гражданского правонарушения. Томск, 1980. С. 19; Никифоров Б. С. Объект преступления. М., 1960. С. 64, и др.

⁷⁶ Ткаченко Ю. Г. Указ. соч. С. 80.

Поведение стороны общественного отношения в виде разрешения совершения определенных действий появляется лишь *в результате правового регулирования этого отношения путем введения соответствующего правового запрета*. Если такого запрета нет, невозможна и выдача разрешения на действия, которые дозволены без всяких ограничений.

Содержание общественного отношения не может также заключаться только в таком активном поведении, когда управомоченное лицо предъявляет к обязанному лицу требование соблюдать определенный запрет. Поведение стороны общественного отношения в виде требования определенного поведения от другой стороны также появляется лишь *в результате правового регулирования*. В частности, требование не совершать определенных действий возникает в результате введения соответствующего правового запрета. Пока общественное отношение не урегулировано правом, ни одна из его сторон не может требовать от другой стороны соблюдения такого запрета. Таким образом, *любое общественное отношение предполагает какое-либо активное поведение хотя бы одного из его участников, не сводимое к даче другому лицу разрешения на совершение определенных действий либо требованию соблюдения определенного запрета*.

В силу этого не бывает и правоотношений, в которых ни управомоченное, ни обязанное лицо не совершают каких-либо активных действий, и, соответственно, существующих в их рамках так называемых «негативных» субъективных прав, содержание которых сводится лишь к требованию соблюдения обязанным лицом определенного запрета. На это обращали внимание О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский. По их мнению, правоотношений, где ни одна из сторон не осуществляет активных действий, в природе не бывает⁷⁷. Правовое отношение имеет место только в том случае, если его субъекты активно действуют⁷⁸. Поэтому невозможно согласиться с А. В. Наумовым, который признает существование «общественных отношений *по поводу воздержания* лиц от совершения преступления вследствие уголовно-правового запрета»⁷⁹.

О существовании «негативных» субъективных прав можно говорить лишь в том случае, если понимать правоотношение исключительно как *связь права и обязанности, а не как общественное отношение, урегулированное нормой права*. Как указывает Н. Д. Егоров, спор между сторонниками двух концепций понятия правоотношения сводится к тому, как осуществляется связь между участниками правоотношения – через их субъективные права и обязанности или же посредством взаимообусловленного этими правами и обязанностями поведения субъектов правоотношений⁸⁰. Применительно к личным неимущественным правоотношениям указанный вопрос можно поставить следующим образом. Если понимать под правоотношением исключительно связь права и обязанности, то правоотношение, в частности чести и достоинства, можно сформулировать как обязанность воздерживаться от посягательств на честь и достоинство и как право требовать исполнения этой обязанности. Если же понимать правоотношение как общественное отношение, урегулированное нормой права, то такое правоотношение в принципе существовать не может, как не может быть общественного отношения, где ни одна из сторон не совершает никаких активных действий.

В данном споре следует присоединиться к точке зрения тех авторов, которые полагают, что правоотношение, как и любое общественное отношение, представляет собой связь, складывающуюся в результате взаимодействия между людьми. Взаимодействовать же люди могут, только совершая определенные действия, акты поведения⁸¹. К. Маркс писал, что правовые отношения не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития

⁷⁷ Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. С. 215–216.

⁷⁸ Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). С. 91.

⁷⁹ Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973. С. 18.

⁸⁰ Егоров Н. Д. Понятие имущественного правоотношения // Вестн. Ленингр. ун-та. Вып. 4. 1980. № 23. С. 59.

⁸¹ Егоров Н. Д. Понятие имущественного правоотношения // Вестн. Ленингр. ун-та. Вып. 4. 1980. № 23. С. 59.

человеческого духа, что они коренятся в материальных жизненных отношениях⁸². Следовательно, как не может быть общественного отношения, в котором обе стороны бездействуют, так не может быть и соответствующего правоотношения, а также существующего в его рамках «негативного» субъективного права. Говорить о субъективном праве можно только тогда, когда характер интереса предполагает совершение в целях его удовлетворения каких-либо активных действий либо носителем интереса, либо другими лицами. В этом случае между носителем интереса и этими лицами складывается общественное отношение, при правовом регулировании выступающее в форме правоотношения, в рамках которого и существует субъективное право.

Поскольку в действующем гражданском законодательстве понятие личного неимущественного права отсутствует, определение тех или иных прав в качестве личных неимущественных производится исключительно в доктринальном плане. Чтобы сделать вывод о природе личных неимущественных отношений и интересов, лежащих в их основе, проведем анализ конструируемых в литературе личных неимущественных прав с целью выяснить, какие же общественные отношения те или иные авторы считают опосредованными соответствующими личными неимущественными правами и соответствуют ли эти отношения указанному критерию – *обязательному наличию в их рамках активного поведения, не сводимого к требованию соблюдения того или иного запрета, а также к разрешению на совершение определенных действий*.

В настоящий момент в Российской Федерации действует Международный пакт о гражданских и политических правах⁸³, которым провозглашается, в частности, *право на жизнь*. В ст. 6 указанного Пакта установлено, что никто не может быть произвольно лишен жизни.

В развитие указанной нормы ст. 20 Конституции РФ предусматривает, что каждый имеет право на жизнь. Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Право на жизнь в указанном смысле традиционно рассматривается в рамках науки конституционного права⁸⁴. Однако в последнее время имеются попытки обосновать гражданско-правовую природу субъективного права на жизнь⁸⁵.

Одним из сторонников существования права на жизнь как субъективного гражданского права выступает М. Н. Малеина. По ее мнению, право на жизнь складывается из правомочия на сохранение жизни (индивидуальности) и правомочия на распоряжение жизнью. Правомочие на сохранение жизни (индивидуальности) проявляется в возможности самостоятельно решать вопросы (давать или не давать согласие) об изменении пола, о пересадке искусственных органов и тканей. Правомочие на распоряжение жизнью состоит в возможности подвергать себя значительному риску (например, проведение опасного опыта на здоровом человеке – добровольце) и возможности решить вопрос о прекращении жизни (в том числе путем активной и пассивной эвтаназии)⁸⁶. Объектом личного неимущественного гражданского права на жизнь, по мнению М. Н. Малеиной, является жизнь как высшее благо, возникающее с момента отде-

⁸² Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6.

⁸³ Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. // Действующее международное право: В 3 т. Т. 2. М., 1996.

⁸⁴ См., напр.: Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 1995. С. 198.

⁸⁵ См., напр.: Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации; Малеина М. Н. 1) Защита личных неимущественных прав советских граждан. М., 1991; 2) О праве на жизнь // Советское государство и право. 1992. № 2; 3) Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита); 4) Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита.

⁸⁶ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита). С. 20–21.

ления жизнеспособного ребенка от организма матери и продолжающееся в течение функционирования головного мозга⁸⁷.

Существование права на жизнь в гражданско-правовом смысле признает также Л. О. Красавчикова. Соглашаясь с тем, что право на жизнь включает в себя возможность решить вопрос о прекращении жизни путем пассивной эвтаназии, она среди возможностей, предоставленных субъекту личного неимущественного права на жизнь, называет также правомочия женщины на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона, а также на искусственное прерывание беременности и стерилизацию⁸⁸.

Характеризуя право на жизнь с так называемой негативной стороны – в части требования определенного поведения от обязанных лиц, – Л. О. Красавчикова говорит о воздержании всех окружающих лиц от действий, способных нарушить право управомоченного лица⁸⁹. Аналогичной позиции придерживается и М. Н. Малеина⁹⁰.

Трудно, на наш взгляд, согласиться с приведенными точками зрения о существовании указанных правомочий в рамках абсолютного права на жизнь. Так, само название первого указанного М. Н. Малеиной правомочия – правомочия на сохранение жизни (индивидуальности), проявляющегося в возможности самостоятельно решать вопросы об изменении пола, а также о пересадке искусственных органов и тканей, свидетельствует о том, что автор подменяет понятие жизни понятием индивидуальности. Между тем любое правомочие права на жизнь должно обеспечивать *сохранение или лишение жизни*, иначе обозначение рассматриваемого права как права на жизнь теряет всякий смысл. С этой точки зрения необоснованна позиция и Л. О. Красавчиковой, поскольку непонятно, как связаны с благом жизни субъекта права названные ею правомочия женщины на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона, а также на искусственное прерывание беременности и стерилизацию⁹¹. В данном случае речь идет о жизни ребенка, а не о жизни женщины как субъекта рассматриваемого права.

Правоотношения, в рамках которых возможна активная эвтаназия, являются не абсолютными, а *относительными*, поскольку имеет место требование *активного поведения* от обязанного лица по совершению действий, приводящих к смерти. Существование такого требования в рамках абсолютных правоотношений не представляется возможным. В рамках абсолютного правоотношения может существовать право лица требовать от всех окружающих лиц не препятствовать ему в совершении действий по распоряжению жизнью, включая самоубийство. Однако действующее законодательство не предусматривает существования такого права, да и вряд ли это целесообразно по этическим и религиозным соображениям.

Основной же недостаток позиции, по которой в рамках права на жизнь существуют некие положительные правомочия, состоит в том, что жизнь как неотделимое от человека благо реализуется во всех общественных отношениях, участником которых становится человек. Не существует какого-либо особого абсолютного общественного отношения, в рамках которого человек совершал бы активные действия, направленные на его жизнь.

⁸⁷ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита). С. 20. – Жизнь в качестве личного неимущественного (нематериального) блага признает подавляющее большинство ученых, в частности, и те, кто не формулирует право на жизнь как личное неимущественное гражданское право (Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С. 80–84; Гражданское право. Ч. 1 / Отв. ред. Я. Ф. Миколенко, П. Е. Орловский. С. 136 (автор главы – М. М. Агарков); Ярошенко К. Б. Указ. соч. С. 11 и др.).

⁸⁸ Красавчикова Л. О. Указ. соч. С. 80–84.

⁸⁹ Красавчикова Л. О. Указ. соч. 79. – Не все авторы единодушны в обозначении права требовать воздержания от посягательства на жизнь как права на жизнь. В. Л. Слесарев говорит в данном случае о «праве на неприкосновенность личности» (Слесарев В. Л. Указ. соч. С. 131–132); О «праве на физическую неприкосновенность» (см.: Ромовская З. П. Указ. соч. С. 6).

⁹⁰ Такой вывод можно сделать из слов М. Н. Малеиной о том, что в случае причинения смерти нарушается право на жизнь (см.: Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 74).

⁹¹ М. Н. Малеина, признавая само существование указанных правомочий, обоснованно говорит о том, что они не могут охватываться содержанием права на жизнь (см.: Там же. С. 62).

Этим и объясняется неудачность предпринятых в литературе попыток сформулировать личное неимущественное право лица на жизнь, существующее в рамках абсолютного правоотношения.

В рамках права на жизнь Т. В. Дробышевская конструирует право на достойное человеческое существование, которое должно быть гарантировано государством с учетом прожиточного минимума, а также право на паллиативное лечение. Под последним понимается обеспечение государством страдающему неизлечимой болезнью гражданину паллиативное лечение в условиях хосписа⁹². Между тем достойное человеческое существование выступает целью всего правового регулирования любых общественных отношений. Поэтому указанное право не может быть признано как особое субъективное личное неимущественное гражданское право. Требование к государству обеспечить паллиативное лечение не обеспечено санкцией и потому также не может считаться субъективным гражданским правом.

Таким образом, можно говорить о наделении лица лишь возможностью требовать от всех окружающих лиц воздержания от действий, влекущих за собой его смерть, а также возможностью требовать воздержания от действий по изменению его пола, пересадке ему искусственных органов и тканей, проведению на нем опытов и лечения без его согласия, кроме случаев, предусмотренных законом. Указанные возможности сводятся лишь к требованию соблюдения установленного законом запрета. Какого-либо другого активного поведения они не предполагают. Это означает, что в основе таких возможностей не лежат какие-либо общественные отношения, которые, как отмечалось, характеризуются активным поведением хотя бы одной из сторон, не сводящимся к требованию соблюдения запрета. Стало быть, указанные возможности не образуют субъективные права, о чем свидетельствует и их негативный характер.

Аналогичную позицию М. Н. Малеина занимает и в отношении *права на здоровье*. По ее мнению, позитивное содержание личного неимущественного гражданского права на здоровье складывается из правомочий владения, пользования и распоряжения своим здоровьем. Правомочия по владению и пользованию здоровьем осуществляются фактически постоянно, но как бы юридически «незаметно», а проявляются в особых ситуациях и в случае нарушения здоровья. Так, гражданин может осуществлять правомочия по владению и использованию своего здоровья путем обращения в медицинское учреждение и заключения договора на оказание медицинской помощи. При этом он становится обладателем относительных субъективных прав (на квалифицированную медицинскую помощь, выбор врача, информацию о состоянии здоровья, проведение консилиума и пр.), которые конкретизируют содержание права на здоровье и определяют его пределы.

Другой способ использования своего здоровья, по мнению М. Н. Малеиной, – вынашивание и рождение женщиной ребенка, зачатого путем имплантации в ее организм чужой оплодотворенной яйцеклетки, с последующей передачей рожденного его биологическим родителям. В этом случае отношения должны оформляться как минимум двумя договорами: первый – между биологическими родителями и медицинским учреждением об изъятии донорского материала и возврате ребенка; второй – между медицинским учреждением и суррогатной матерью об имплантации яйцеклетки и возврате ребенка. Возможен также третий договор – между биологическими родителями и суррогатной матерью об общении в период беременности, о размере компенсации и т. п.

Правомочие по распоряжению своим здоровьем, по словам автора, предполагает принятие дееспособным лицом самостоятельных решений, в том числе таких, которые неблагоприятно отразятся на здоровье. Например, существует возможность заключить договор об участии в биомедицинском исследовании (эксперименте на здоровом человеке), а также договор донорства, поскольку при этом нарушается телесная оболочка и возникает риск временного

⁹² Дробышевская Т. В. Указ. соч. С. 46.

или постоянного ухудшения состояния здоровья. При этом необходимым условием проведения эксперимента является свободное письменное согласие гражданина – объекта исследования⁹³. Правомочие по распоряжению своим здоровьем проявляется также в возможности отказа гражданина от медицинского вмешательства или требования его прекращения⁹⁴. Против конструирования права на здоровье как субъективного гражданского права могут быть приведены те же доводы, что и в отношении права на жизнь. Как и жизнь, здоровье реализуется *во всех без исключения* общественных отношениях, в которые вступает человек. Здесь также невозможно существование какого-либо особого общественного отношения, объектом которого выступало бы здоровье управомоченного лица.

Трудно согласиться и с механическим переносом категорий, относящихся к праву собственности, к личным неимущественным правам. Как следует из позиции М. Н. Малеиной, любой признак, характеризующий индивида, может расцениваться в значении объекта, владение и распоряжение которым зависят от самого управомоченного. Однако правомочия «владения» и «распоряжения» едва ли приложимы к здоровью. Эти категории в их традиционном понимании применимы лишь к объектам, отделимым от управомоченного субъекта. Между тем здоровье человека, неотделимо от самого человека, и в силу этого он в принципе не может совершать в отношении своего здоровья какие-либо активные действия, включая действия по владению и распоряжению.

В позиции М. Н. Малеиной нельзя не заметить противоречий. Так, по ее мнению, запрет проведения опытов в той части, когда они связаны со «значительным риском», охватывается правом на жизнь, а когда они просто «могут неблагоприятно отразиться на здоровье» – правом на здоровье. То же самое обнаруживается и при рассмотрении правомочия на отказ от медицинского вмешательства. М. Н. Малеина анализирует это правомочие и в рамках права на жизнь (пассивная эвтаназия), и в рамках права на здоровье. Между тем юридическая природа указанных правомочий одинакова: никто не вправе проводить опыты и лечение без согласия управомоченного, кроме случаев, предусмотренных законом.

Правомочие требовать прекращения лечения является не абсолютным, а *относительным*, поскольку имеет место в обязательственных правоотношениях клиента с медицинским учреждением.

По мнению Л. О. Красавчиковой, правом на здоровье охватываются следующие возможности: право на получение квалифицированной медицинской помощи, право на своевременную лекарственную помощь, право на квалифицированное и своевременное протезирование, право на врачебно-косметологическое лечение, право на донорство и трансплантацию органов и тканей, право на участие в медицинском эксперименте⁹⁵.

Между тем все провозглашенные Л. О. Красавчиковой правомочия, входящие, по ее мнению, в абсолютное субъективное право на здоровье, на самом деле существуют в рамках относительных правоотношений, поскольку предполагают *активное поведение обязанных лиц*. Относительный характер носят и правоотношения женщины, вынашивающей чужого ребенка, с родителями этого ребенка и медицинскими учреждениями, оказывающими услуги по имплантации эмбриона, так как эти отношения возникают на основании соответствующих договоров. Абсолютных же правоотношений, в рамках которых человек может совершать какие-либо активные действия в отношении своего здоровья, не существует⁹⁶.

⁹³ Малеина М. Н. 1) Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита). С. 21–23; 2) Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 76–83.

⁹⁴ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 82.

⁹⁵ Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С. 92–117.

⁹⁶ В рамках права на здоровье Т. В. Дробышевская конструирует право на сон (см.: Дробышевская Т. В. Указ. соч. С. 47).

Таким образом, у человека есть возможность требовать от всех окружающих лиц воздержания от действий, *ухудшающих его здоровье, кроме случаев, установленных законом*⁹⁷. Однако содержание этой возможности показывает, что она сводится лишь к требованию соблюдения установленного законом запрета. Какого-либо другого активного поведения управомоченного или обязанного лица она не предполагает. Между тем, как было указано ранее, негативных субъективных прав не существует ввиду отсутствия соответствующих общественных отношений и правоотношений. Поэтому указанная возможность не может быть охарактеризована как субъективное право.

Право на благоприятную окружающую среду, как и права на жизнь и здоровье, традиционно рассматривалось в науке конституционного права. Так, Ю. С. Шемшученко отмечает, что право человека на безопасную (здоровую) окружающую среду относится к числу его фундаментальных прав, имеющих в своей основе естественный характер⁹⁸. Как о социально-экономическом конституционном праве говорят о праве на благоприятную окружающую среду Е. И. Козлова и О. Е. Кутафин⁹⁹.

Однако в последние годы ряд авторов рассматривают и гражданско-правовой аспект указанного права¹⁰⁰. По мнению М. Н. Малеиной, право на благоприятную окружающую среду состоит из правомочий по использованию, изменению окружающей среды, получению информации о ее санитарно-эпидемиологическом состоянии¹⁰¹. Благом, которое лежит в основе указанного права, является благоприятное экологическое состояние личности¹⁰².

Как пишет М. Н. Малеина, правомочие по использованию окружающей среды заключается в возможности дышать чистым воздухом, пользоваться естественными неотравленными плодами и благами природы, не подвергаться воздействию шума, вибрации и пр.¹⁰³ Правомочие по изменению окружающей среды представляет возможность совершать действия, способствующие созданию благоприятной среды обитания (например, заключить договор на ремонт помещения)¹⁰⁴.

Праву гражданина на здоровую окружающую среду корреспондирует обязанность любого субъекта (государства, юридического и физического лица) воздерживаться от негативного воздействия на окружающую среду, а также принимать меры по предупреждению таких воздействий и ликвидации их последствий¹⁰⁵.

Однако она не определяет, что же конкретно и от кого может требовать управомоченное лицо на основании указанного права. Поэтому оценить позицию автора не представляется возможным.

⁹⁷ На это указывала М. Н. Малеина в более ранней работе: «Право человека на здоровье конструируется как его личное неимущественное право находиться в состоянии полного психического и физического благополучия. Оно имеет абсолютный характер, так как ему соответствует обязанность всех остальных членов общества воздерживаться от действий, нарушающих это право» (Малеина М. Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. С. 26).

⁹⁸ Шемшученко Ю. С. Человек и его право на безопасную (здоровую) окружающую среду // Государство и право. 1993. № 10. С. 121.

⁹⁹ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 216.

¹⁰⁰ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита). С. 24; Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С. 124; Мисник Г. А. Ответственность предприятий за нарушение природоохранительного законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1992. С. 5.

¹⁰¹ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита).

¹⁰² Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 98. – В данном случае в качестве блага, лежащего в основе права на благоприятную окружающую среду, понимается именно *благоприятное экологическое состояние личности*, а не сама окружающая среда как нечто внешнее по отношению к субъекту.

¹⁰³ Гражданское право. Ч. 1 / Под ред. А. Г. Калпина и А. И. Масляева. М., 1997. С. 136–137.

¹⁰⁴ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита). С. 25.

¹⁰⁵ Малеина М. Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. С. 36; Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. С. 125.

Однако возможность дышать чистым воздухом, пользоваться естественными неотравленными плодами и благами природы вряд ли можно отнести к числу юридически обеспеченных возможностей. Указанные действия представляют собой *фактическую реализацию* правомочия требовать, чтобы окружающие лица не наносили вреда окружающей среде. Только в том случае, если не будет наноситься вред окружающей среде, воздух будет чистым, а блага природы – неотравленными. Здесь можно говорить *об интересе в благоприятной окружающей среде*, обеспеченном правомочием требовать не наносить ей вреда.

С нашей точки зрения, неправомерно называть возможность заключения договора на ремонт помещения правомочием на изменение окружающей среды. Такая возможность (способность) является элементом правоспособности гражданина, а не его субъективным правом или правомочием в рамках субъективного права. Кроме того, некорректно подменять обозначение правомочия его целью. Следуя этой логике, возможность заключения договора на ремонт помещения можно назвать правомочием и права на здоровье, и права на жизнь, поскольку ремонт помещения может проводиться как с целью улучшить здоровье проживающих, так и для обеспечения их жизнедеятельности.

Следует также отметить, что обязанность принимать меры по предупреждению негативного воздействия на окружающую среду и ликвидации его последствий предполагает *активное поведение* обязанного лица, которое не может иметь место в абсолютном правоотношении.

Что касается требования о получении информации о состоянии окружающей среды, то такое требование также существует в рамках *относительного* правоотношения, поскольку в качестве обязанного лица выступает конкретный государственный орган.

Л. О. Красавчикова определяет право на благоприятную окружающую среду несколько иначе. По ее мнению, это абсолютное личное неимущественное право, в первую очередь определяющее границы поведения самого управомоченного лица. Гражданин по своему личному усмотрению и возможностям определяет место своего проживания, быта, отдыха, обучения, воспитания, нахождения в той или иной среде обитания и природной среде¹⁰⁶. Однако при такой трактовке право на благоприятную окружающую среду, по сути, отождествляется с правом на свободу передвижения, поскольку очевидно, что оба права обеспечивают интерес в проживании в наиболее благоприятном для данного конкретного человека месте.

Поэтому в данном случае можно говорить лишь *о юридически обеспеченной возможности требовать от всех окружающих лиц воздерживаться от негативного воздействия на окружающую среду*. Из содержания данной возможности следует, что она сводится лишь к требованию соблюдения установленного законом запрета. Какого-либо другого активного поведения управомоченного или обязанного лица она не предполагает. Поскольку таких субъективных прав, в принципе, существовать не может, нельзя говорить о том, что указанная возможность является субъективным правом, в основе которого лежат соответствующие общественные отношения.

Правовая наука уже давно восприняла тот факт, что те или иные посягательства на человека не всегда наносят вред его жизни или здоровью. В данном случае говорят о так называемом *праве на личную неприкосновенность*. Обосновывая выделение этого права, Л. О. Красавчикова отмечает, что то или иное посягательство на человека может быть и не сопряжено с причинением вреда его жизни или здоровью. Так, незаконный личный обыск, незаконное освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования не причиняют какого-либо ущерба здоровью лица, но нарушают его физическую (телесную) неприкосновенность¹⁰⁷.

Л. О. Красавчикова, анализируя историю развития научных взглядов о праве на неприкосновенность личности, делает ряд ценных замечаний. В частности, она обоснованно указы-

¹⁰⁶ Красавчикова Л. О. Указ. соч. С. 124. – Сходная точка зрения высказывалась Г. А. Мисник (см.: Мисник Г. А. Указ. соч. С. 5).

¹⁰⁷ Красавчикова Л. О. Указ. соч. С. 133. – Причиняемый при этом моральный вред не всегда влечет за собой ухудшение здоровья.

вают на то, что право на неприкосновенность личности всегда трактовалось широко, как состоящее из нескольких правомочий. При этом единого мнения о составе таких правомочий не выработано¹⁰⁸.

Например, В. Е. Гулиев и Ф. М. Рудинский полагали, что следует выделить, во-первых, право гражданина на свободу от незаконных необоснованных арестов, личных обысков, освидетельствований и иных принудительных мер со стороны государственных органов и должностных лиц; во-вторых, право на свободу гражданина от преступных посягательств отдельных лиц¹⁰⁹.

Другие авторы в число таких правомочий предлагали включать право на юридическую защиту со стороны органов государства и общественных организаций, право на личную свободу, право на защиту в суде, право на неприкосновенность жилища¹¹⁰.

Специалисты в области уголовного процесса считали, что анализируемое право образуют: 1) право на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, половую свободу и их защиту государством; 2) право человека на честь и достоинство, нравственную свободу, психическую неприкосновенность; 3) право человека на индивидуальную свободу¹¹¹.

Как полагает Л. О. Красавчикова, подобный разброс мнений различных авторов относительно содержания права на неприкосновенность личности не случаен. Неприкосновенность личности стала рассматриваться в качестве принципа, выражающего содержание определенных групп отраслей права, который развивается и конкретизируется в уголовно-процессуальном, уголовном, административном, административно-процессуальном праве. Именно с учетом специфики каждой из этих отраслей права определялся конкретный объем правомочий, входящих в содержание права на неприкосновенность личности¹¹².

В цивилистической литературе некоторые авторы придерживаются мнения о том, что право на неприкосновенность личности (или личную неприкосновенность) подразделяется на следующие предусмотренные законом возможности. Во-первых, право на неприкосновенность личности означает, что никто не может быть подвергнут аресту и лишен свободы вне установленного порядка, т. е. гражданин вправе требовать от соответствующих государственных органов и должностных лиц соблюдения закона в их деятельности. Во-вторых, гражданин вправе требовать от всех прочих граждан воздержания от посягательств на свою свободу¹¹³.

Таким образом, право на неприкосновенность личности трактовалось этими авторами негативно, без указания на те положительные действия, которые вправе совершать управомоченное лицо.

Иную позицию занимает О. А. Красавчиков и ряд других авторов, которые выделяют в праве на личную неприкосновенность и положительное содержание: каждый имеет возможность беспрепятственно располагать собой по своему личному усмотрению и пресекать любые противоправные действия, ущемляющие его личную свободу¹¹⁴. В этом случае право на непри-

¹⁰⁸ Красавчикова Л. О. Указ. соч. С. 127–128. – Причиняемый при этом моральный вред не всегда влечет за собой ухудшение здоровья.

¹⁰⁹ Гулиев В. Е., Рудинский Ф. М. Социалистическая демократия и личные права. М., 1984. С. 109.

¹¹⁰ Фарбер И. Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974. С. 185–186.

¹¹¹ Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 37–38. – А. П. Горшенев также полагает, что право «на охрану жизни» входит в качестве правомочия в более широкое по своему содержанию право на неприкосновенность личности (см.: Горшенев А. П. Личные конституционные права советских граждан. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. С. 12).

¹¹² Красавчикова Л. О. Указ. соч. С. 127–128.

¹¹³ См., напр.: Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. С. 161; Малеш Н. С. Охрана прав личности советским законодательством. С. 64–65. – Сходного мнения придерживается А. М. Эрделевский (см.: Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М., 1997. С. 13, 155–156).

¹¹⁴ Советское гражданское право. Т. 1. 3-е изд. / Под ред. О. А. Красавчикова. С. 192; Горшенев А. П. Личные конституционные права советских граждан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 12.

косновенность личности включает в себя два указанных правомочия: «негативное» (право на личную неприкосновенность) и «положительное» (право на личную свободу).

Л. О. Красавчикова рассматривает право на личную свободу и право на личную неприкосновенность как самостоятельные субъективные права. По ее мнению, право на личную свободу тесно связано с правом на личную неприкосновенность, однако является самостоятельным личным неимущественным правом. Право на личную свободу означает соответствующую меру возможного и юридически дозволенного поведения гражданина распоряжаться собой, своими поступками и временем. Право на личную неприкосновенность предполагает недопустимость посягательства на личность со стороны кого-либо, за исключением случаев, предусмотренных законом¹¹⁵.

Последняя позиция в части разграничения *права на личную свободу и права на личную неприкосновенность* наиболее обоснованна¹¹⁶. Указанные возможности абсолютно различны. В праве на личную свободу закреплён интерес лица в самостоятельном определении своего поведения в индивидуальной жизнедеятельности по собственному усмотрению. При этом от окружающих лиц требуется не создавать препятствий для такого активного поведения. Право же на личную неприкосновенность не связано с какими-либо активными действиями управомоченного, а предполагает лишь «негативное» требование ко всем окружающим лицам воздерживаться от действий, нарушающих личную неприкосновенность¹¹⁷.

¹¹⁵ Красавчикова Л. О. Указ. соч. С. 131–132. – Аналогичного мнения придерживается и Н. Д. Егоров (см.: Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. С. 132).

¹¹⁶ Е. А. Флейшиц предлагала разделять право на неприкосновенность личности и право на личную свободу несколько иным образом. Опираясь на действующую на тот момент Конституцию, она пишет, что согласно ст. 127 сталинской Конституции право на неприкосновенность личности есть притязание, обращаемое исключительно к органам государства. Его коррелятом в сфере отношений граждан между собой должно быть право на телесную неприкосновенность и личную свободу (Флейшиц Е. А. Личные права в гражданском праве СССР и капиталистических стран. М., 1941. С. 97).

¹¹⁷ При этом такое право не должно конструироваться как право требовать от соответствующих государственных органов и должностных лиц соблюдения закона в уголовно-процессуальной деятельности по арестам, обыскам и освидетельствованиям. Соблюдение закона со стороны государственных органов и должностных лиц происходит в рамках соответствующего уголовно-процессуального правоотношения. Кроме того, в таких ситуациях некоторые авторы вообще отрицают наличие какого-то особого субъективного права. Когда интерес индивида обеспечивается тем, что государственная власть действует согласно порядку, установленному нормами права, имеет место так называемый «рефлекс объективного права», т. е. юридически пустое место, а не субъективное право (см.: Агарков М. М. Ценность частного права // Правоведение. 1992. № 2. С. 36).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.